

Встреча для вас

ЛЮБИТЬ ЧЕЛОВЕКА

Искусство народного артиста РСФСР Леонида Васильевича Маркова, создавшего на сцене Государственного орденов Ленина и Трудового Красного Знамени театра имени Моссовета и на экране запоминающиеся образы классического и современного репертуара, пользуется неизменной признательностью зрителей. Актер мощного темперамента, он тем не менее любит характеры, где под внешним спокойствием угадывается буря...

Мы встретились с Леонидом Васильевичем в гримерной, сразу после спектакля. Только что мы видели его графа Алексея Орлова в финале «Царской охоты» Л. Зорина. [Марков на редкость беспощаден к своему герою. Пожалуй, только мощь его переживаний и потрясений может сравниться с жестокой бескомпромиссностью приговора, который актер ему выносит]. Старый, обрюзгший от пьянства человек — таков граф Орлов в финале спектакля. И рыдания его меньше всего похожи на рыдания от тоски. Так убивает уже не тоска, не ужас совершенного, не сознание собственной вины — рабство. Все, что могло совершиться в душе этого человека, совершилось. И ничего страшнее для него уже нет, ибо нет уже и самой души. Оттого во всем такая безысходность... Крах человека вызывает зрительское сочувствие, но в полной мере сопереживать своему герою Марков не позволяет.

— Хотелось прежде всего рассказать о трагедии человека, жизнь которого отделена от нас веками, современно — то есть вызвать к жизни мысли, актуальные в наши дни. Показать ужас предательства. Заставить зрителей задуматься о долге перед собой, перед своей совестью. А главное — показать, во что может превратиться человек, слепо исполняющий приказы «хозяина» и создавший в душе ложные фетиши. Ведь именно поэтому он проходит мимо подлинных ценностей — высокой, светлой любви, наполненной, осмысленной жизни.

— О творческом процессе актера написано много книг. И все-таки для исследователей театра здесь по-прежнему немало загадок. Что вы, Леонид Васильевич, думаете по этому поводу?

— Я думаю, что эти загадки существуют и для самих актеров. Трудно объяснить, как работаешь над образом. И не только потому, что этот процесс очень индивидуален — он различен для каждой новой роли. Иногда кажется: почему бы не использовать накопленный опыт, какие-то наработанные приемы в последующих работах? Ан, нет! Проторенный путь обязательно приведет в тупик. И начинаешь все, как в первый раз: люди вокруг тебя, литература, воля режиссера-постановщика, драматурга, художника, композитора, твое собственное видение роли — все идет на создание образа. Прimitивно сравнивая, становишься похожим на копилку. И, конечно, очень многое дают репетиции. Именно здесь мы пробуем, ищем, сравниваем, находим какие-то единственные и характерные детали к роли. Очень важно при этом учитывать «волю» времени, зрителей, на суд которых выносятся работы.

— А какой он, ваш зритель? Чего вы от него ждете?

— Взаимопонимания. Оно в первую очередь необходимо. Ведь зачем человек приходит в театр? За общением, которого всем нам не хватает. Театр — это место, где искусство творится: на глазах у зрителей. И если человек видит на сцене настоящее — он чувствует себя его участником. Он думает: и я так бы поступил, и я так же бы сказал... Не в этом ли главная задача любого искусства?

— Многие зрители знают вас как артиста кино. На экране сыграно уже более 50 ролей. Отличается ли творческий процесс в театре и кино?

— Разница, на мой взгляд, заключается лишь в средстве доставки материала: если в театре спектакль за вечер могут посмотреть сотни людей, то фильм в кинотеатрах или по телевидению сразу соберет многомиллионную аудиторию. Кинематограф, без сомнения, обладает более богатыми и разнообразными возможностями. И несмотря на то, что я много снимаюсь в кино, беззаветно люблю театр. Почему? Истина старая: для меня, как и для других театралов актеров, творческий процесс не заканчивается ни на третьем, ни на двадцатом спектакле. Он продолжается на каждом новом представлении. И так — пока в репертуаре есть этот спектакль. С 1967 года идет у нас на сцене «Шторм» Билль-Белоцерковского, поставленный Юрием Александровичем Завадским, где у меня роль — Предукома. И каждый раз с огромной радостью, волнуясь, я выхожу на сцену, чтобы снова сыграть этого одержимого высокой мечтой человека, готового к любой работе во имя революции, готового свершать «чернорабочий, каждодневный подвиг» борьбы с разрухой, саботажем, болезнями.

— А как начинался ваш творческий путь?

— Я рос в актерской семье. Отец играл в Вологодском драматическом театре. И жизнь театра тесно переплеталась с жизнью нашей семьи. Поэтому для меня на сцене никогда не было ничего таинственного. Я хорошо знал, что это тяжелая работа, огромнейший труд. И остался в этом убеждении до сих пор. Актером быть не мечтал. Больше меня привлекала служба морского офицера. Отправил документы в военноморское училище и стал ждать вызова. А в это время сестра готовилась поступать в театральное училище. Вместе с отцом они уговорили попробовать и меня. Как ни странно — поступил. И потом, когда начал учиться, понял: ни в какие офицеры я уже не пойду. Настолько меня захватила, очаровала, покорила будущая профессия. И вот прошло более 30 лет, а как бы трудно ни приходилось, о выборе своем не жалею.

— Пожалуй, немного о людях, которые учили вас...

— Первым своим учителем считаю Берсеневу, у которого учился, будучи актером театра имени Ленинского комсомола. Он требовал от нас профессионализма: владеть своим телом, голосом, жить на сцене в найденном рисунке, ритме, изобретать грим, походку и пластику.

Затем перешел в театр имени Пушкина, которым руководил в то время

Равенских. Немного позже пригласили меня в театр имени Моссовета, к Юрию Александровичу Завадскому, встреча с которым многое изменила в моей сценической судьбе. К тому времени у меня сложилась репутация мастера бытовых образов, актера на ампула «рубашенного» героя. Юрий Александрович помог мне раскрыть в себе трагического актера, создать сложные психологические образы. Появился целый ряд ролей с отблеском былой, страданием настоящей или предчувствием будущей трагедии. Прежде всего к ним я отношу Арбенина из «Маскарада» Лермонтова, Порфирия Петровича из «Петербургских сновидений» Достоевского, Федю Протасова из «Живого трупа» Толстого, Предукома из «Шторма», о котором уже говорил, рабочего Шилова из «Превышение власти» Черныха, графа Орлова.

— Кстати, Шиллов — одна из любимых ваших ролей...

— Я получаю удовлетворение, работая над этой ролью. Не часто так случается в нашей актерской судьбе, чтобы совпадали сразу все точки зрения в трактовке роли: драматурга, режиссера и актера. Не часто бывает, что мысли, выношенные тобой, говорит твой герой. А здесь — совпало. Я встретился с совершенно необычным в моей практике материалом. История шилловских «хождений за правдой» составляет весь сюжет спектакля. А главный мотив его — по совести живет человек или нет. Мне кажется, такие спектакли очень нужны молодым зрителям. Такие, как Шиллов, как бы передают молодежи свою духовную эстафету, свои убеждения, свою гражданственность в самом высоком смысле этого прекрасного, мужественного понятия. На мой взгляд, гражданином себя может назвать тот, кто чувствует боль своей страны, болевые точки времени, живущих рядом людей. К таким относится и рабочий Шиллов Иван Петрович.

— Но ведь есть у вас герои и прямо противоположные — воры, отступники, мешане...

— Я убежден: человек шире, богаче всяких норм. Его нельзя уложить в жесткие рамки. Поэтому, играя положительную роль, я ищу «слабинки» своего героя, а в отрицательном образе стараюсь оттенить человеческое начало. От этого образ становится более живым, достоверным. Однако мера «очеловечивания» отрицательного героя зависит от личностного актерского к нему отношения. Например, я ненавижу жадность. И я постараюсь так сыграть жадина, чтобы вам было тошно на меня смотреть. Или взяты шофера Багрова в телефильме «Побег» из серии «Следствие ведут знатоки». В сущности, из него мог бы получиться неплохой человек, но пагубная страсть к алкоголю убивает в нем все. Или вот еще чрезвычайно интересный мне типаж: эдакий маленький начальник, но большой бюрократ, ощущающий себя выше людей. И если мне предлагают даже небольшой эпизод такого типа, я делаю это с большим удовольствием. Недавно сыграл такого «героя» в фильме «Операция на сердце».

— Традиционный вопрос: какое качество вы считаете главным для актера?

— По-моему, в нашей профессии главное — любить человека. Ведь то, что люди понимают, чувствуют, замечают в жизни, они не всегда имеют возможность донести до всех, не всегда умеют высказать это. А актер говорит с трибуны, у него есть такое право: нести людям слово. И на сцене он выступает уже как представитель многих сограждан. Поэтому в каждой своей роли я стараюсь уловить то мгновение, когда обнажается человеческое сердце, и — его и сыграть.

О. ПАСТУХОВА.
Фото О. ИONOBA.